

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-3-94-98
УДК 340.1

Дата поступления статьи: 23/III/2017
Дата принятия статьи: 24/VII/2018

Ю. Е. Пермяков

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КАК СТРАТЕГИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЫЖИВАНИЯ. КАЗУС МИХАИЛА РОММА

© Пермяков Юрий Евгеньевич (permyakov54@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Категория “общественная опасность” в советском уголовном праве». Автор более 96 научных работ, в том числе монографий: «Введение в основы уголовной политики» (1993), «Лекции по философии права» (1995), «Основания права» (2003), «Правовые суждения» (2005), «Философские основания юриспруденции» (2006).

Область научных интересов: онтология права, правовые суждения, методология юридической науки, правовые коммуникации, стратегии и технологии в практической юриспруденции.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена поиску методологических оснований исследования политического режима. Понятие и типология политико-правового режима из достаточно отвлеченной темы политической философии могла бы стать предметом социологии права, исследующей политические стратегии, практикуемые в обществе для распознавания социальной опасности и защиты права. С этой целью в статье предлагается рассматривать политический режим в качестве набора востребованных политических технологий, т. е. тех программ поведения, которые при определенных условиях обеспечивают субъектам политических отношений оптимальный результат в виде легитимных решений. Действие в аспекте политической стратегии нацелено на формирование дискурса, вне которого власть испытывает затруднения при реагировании на сообщения о собственной уязвимости и принятии ответных решений.

Достоинство предлагаемой методологии заключается в том, что вместо отвлеченных рассуждений о политико-правовом режиме вне исторического контекста у теории права появляется шанс исследовать на эмпирическом уровне практикуемые в области политики технологии и стандарты и лишь на этом основании предлагать классификации и сущностный анализ политических режимов. Решение этой задачи продемонстрировано на примере политических обращений к советскому руководству кинорежиссера Михаила Ромма, который в период 1943–1966 гг. выступал в защиту своих коллег.

Ключевые слова: методология, типология, политический режим, политическая стратегия, правовая инстанция, политические концепты.

Цитирование. Пермяков Ю. Е. Политико-правовой режим как стратегия коллективного выживания. Казус Михаила Ромма // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 94–98. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-3-94-98>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Yu. E. Permyakov

POLITICAL-LEGAL REGIME AS A STRATEGY OF COLLECTIVE SURVIVAL. THE CASE OF MIKHAIL ROMM

© **Permyakov Yuriy Evgenyevich** (permyakov54@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate thesis: «Category “public danger” in Soviet criminal law». Author of more than 96 scientific works, including monographs: «Introduction to the basics of criminal policy» (1993), «Lectures on the philosophy of law» (1995), «Foundations of law» (2003), «Legal judgments» (2005), «Philosophical foundations of jurisprudence» (2006).

Research interests: ontology of law, legal judgments, methodology of legal science, legal communications, strategies and technologies in practical jurisprudence.

ABSTRACT

The author analyzes search of methodological grounds for the study of the political regime. The concept and typology of the political and legal regime from a rather abstract topic of political philosophy, according to the author, could be the subject of sociology of law, exploring political strategies practiced in society to recognize the social danger and protect the right. For this purpose, the article proposes to consider the political regime as a set of demanded political technologies, i.e. the political regime. Those programs of behavior that, under certain conditions, provide the subjects of political relations with the best result in the form of legitimate solutions. The action in the aspect of political strategy is aimed at creating a discourse, outside of which the government has difficulties in responding to reports of its own vulnerability and decision-making.

The advantage of the proposed methodology lies in the fact that instead of abstract arguments about the political and legal regime outside the historical context, the theory of law has a chance to explore at empirical level the practices in the field of policy technologies and standards, and only on this basis to propose classifications and substantive analysis of political regimes. The solution of this problem is demonstrated on the example of political appeals to the Soviet leadership of film director Mikhail Romm, who in the period 1943-1966 defended his colleagues.

Key words: methodology, typology, political regime, political strategy, legal authority, legal concepts.

Citation. Permyakov Yu. E. *Politiko-pravovoi rezhim kak strategiia kollektivnogo vyzhivaniia. Kazus Mikhaila Romma* [Political-legal regime as a strategy of collective survival. The case of Mikhail Romm]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no. 3, pp. 94–98. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-3-94-98> [in Russian].

Научные критерии для классификации политических режимов не могут не быть умозрительными, однако последующее описание событий политической истории обычно соскальзывает к историко-фактографической иллюстрации доктрины, в которой эти критерии сформулированы. В итоге «наука способна доказать все»: в идентификации, например, «тиранического» режима приводят те же исторические факты, со ссылкой на которые аргументируют оценку режима как «авторитарно-бюрократического» или «тоталитарного». Вследствие отсутствия надлежащей методологии теория права не может углубить понимание политического режима, ей приходится лишь повторять то, что заимствовано из иных дискурсов и словарей различных эпох. Возникает ситуация, о которой философ С. С. Неретина высказалась сле-

дующим образом: «...когда читаешь сегодня вести с научных конференций, удивляешься обилию сопоставлений себя с французами, итальянцами или немцами, словно речь идет о братьях-двойняшках: так нам хочется породниться. А когда читаешь газеты или смотришь-слушаешь ТВ, то оборачиваешься лицом сразу и к Ближнему, и к Дальнему Востоку» [1, с. 113].

Между тем понятие и типология политико-правового режима из достаточно отвлекенной темы политической философии может стать предметом социологии права – в качестве практикуемых политических стратегий, нацеленных на распознавание социальной опасности и защиту права. Вместо отвлекенных рассуждений о политико-правовом режиме вне исторического контекста у теории права есть шанс исследовать практикуемые в области

политики технологии и стандарты и лишь на этом основании предлагать классификации и сущностный анализ политических режимов.

В характеристике политического режима какого-либо государства или его региональной части трудно обойти вопрос о том, как именно общество распознает угрозы собственного существования. Политический режим формируется непосредственно в ответ на ту опасность, которая стала для власти очевидной. С другой стороны, политический режим сам представляет угрозу для общества, если осложняет диалог власти с обществом, когда погружает общество в атмосферу страха, в которой любое сообщение об опасности, например сообщение о предполагаемом начале войны или грозящей экологической катастрофе, чревато для информатора серьезными последствиями. Для трагической истории России, в которой даты 22 июня 1941 г. и 26 апреля 1986 г. отсылают к теме страха и политического режима, обращение к вопросу о коммуникации как условия коллективного выживания и устойчивости социальной системы более чем актуально.

В самом общем смысле режим понимается как набор условий, необходимых для осуществления какой-либо деятельности или существования системы. Интерес к режиму обусловлен беспокойностью состоянием среды и, соответственно, способностью системы адекватно реагировать на ее изменения. Поэтому в исследовании режима (больничного, военного, технико-эксплуатационного, политического и т. д.) исследователей интересует в большей степени не устройство системы как таковой, а динамические аспекты ее деятельности, в частности ее способность реагировать на сигналы о возникающих угрозах и характере внешней опасности. Понятию режима сопутствует фиксация временных, пространственных или функциональных пределов, определяющих целесообразность и возможность действия ее элементов. Поэтому там, где рассуждают о режиме, уместно понятие технологии. Политический режим, иначе говоря, может быть охарактеризован набором востребованных политических технологий, т. е. тех программ поведения, которые при определенных условиях обеспечивают субъектам политических отношений оптимальный результат.

Если политическая технология представляет собой найденный и апробированный стандарт общения с предсказуемым в той или иной степени результатом, то политическая стратегия в большей мере предназначена для формирования либо поиска этих стандартов: институциональных и нормативных. Правовая и политическая стратегии (в известной мере эти понятия совпадают) представляют собой особый тип коммуникации, возникающий в ситуации неопределенности условий общения граждан с властью и риска утраты обоими правового статуса либо, соответственно, легитимности [2, с. 73–80]. Политические технологии рассчитаны на принятие решений в рамках дискурса, т. е. в системе устоявшихся значений, а политиче-

ские стратегии – это производство самих смыслов и значений. Действие в аспекте политической стратегии формирует дискурс, вне которого власть испытывает затруднения при реагировании на сообщения о собственной уязвимости и принятии ответных решений.

В таком случае, т. е. в аспекте коммуникативного подхода, политический режим может быть рассмотрен как речевая практика, т. е. дискурс, посредством которого социальная общность конституирует себя в качестве субъекта политического решения и политического действия.

Предположение, которое хотелось бы вынести на научное обсуждение, состоит в том, что в поиске оснований для типологии политико-правовых режимов методологически оправданно снизойти с уровня широких обобщений и обратиться к анализу политических действий. Одни из них (обращения общественных деятелей к руководству страны) непосредственно выражают обеспокоенность относительно перспектив человеческой и профессиональной состоятельности в складывающейся системе политического контроля. В этом случае понятие «политико-правовой режим» обретает человеческое измерение и, соответственно, категориальный статус в философской антропологии права. Кроме того, обоснование специфики политических режимов может быть проведено на конкретном, доступном для эмпирического исследования материале, обладающем в качестве источниковой базы рядом достоинств: эти документы составлены хорошо осведомленными о состоянии дел в своей профессиональной области и понимающими цену собственного слова людьми. Здесь, как правило, нет случайных выражений, вздорных претензий, случайных адресатов и безответственных заявлений. Мы увидим исторически меняющийся язык, образы политической реальности и оценку имеющихся у авторов обращений правовых средств и реальных возможностей. Немаловажно и то обстоятельство, что авторами этих обращений выступают общественные деятели в рискованной для себя ситуации, что придает данному акту политической коммуникации характер агонального взаимодействия. Будем ли мы вчитываться в открытое обращение поэта Иосифа Бродского к президенту Чехии Вацлаву Гавелу или обращение о запрете хирургического и медикаментозного прерывания беременности, подписанного митрополитом Кириллом, в той или иной форме мы найдем описание опасности, за которым должно следовать политическое решение.

Соответственно, мы вправе рассматривать политические обращения не только как исторические факты, но и как политические стратегии, в осуществлении которых задействованы представления акторов о социальной уязвимости и способности власти воспринимать эти сообщения и реагировать на них. Публичный характер обращений всегда указывает на стратегию в области дискурсивной практики, т. е. на открытое либо завуалированное желание сформировать иной дис-

курс, ввести в политическую практику иные значения. Исходные начала исследования стратегий в речевой практике с недавнего времени стали привлекать к себе внимание представителей разных социальных наук [3; 4].

Я выбрал обращения кинорежиссера Михаила Ромма, известного широкой публике своими фильмами «Ленин в Октябре» (1937), «Девять дней одного года» (1962), «Обыкновенный фашизм» (1965). Он официально обращался к руководству страны в разные периоды своей жизни с предостережениями об опасностях, угрожавших государству и делу, которому он служил.

Может показаться, М. И. Ромм ошибался во всех случаях: то, что ему представлялось противоречащим генеральной линии партии и правительства, на самом деле было новым поворотом во внутренней политике. Однако своими обращениями он создавал и поддерживал миф о власти, на фоне которого становилась возможной критика практикуемых ею методов руководства. М. И. Ромм добивался того, о чем ясно не высказывался, – сохранения дискурса, в котором находилось место полярным представлениям о легитимности официальных решений и внеполитическим критериям искусства. В итоге его современники не могли не задавать себе вопрос о том, в рамках какого дискурса официальные решения могут быть предметом оценки?

Его обращения интересны тем, что являют собой пример диалога с властью, не склонной к участию в диалоге и испытывающей страх перед собственной идентификацией и потому отрицающей свое прошлое.

В письме Сталину (январь 1943 г.) М. И. Ромм высказывает обеспокоенность состоянием дел в советской кинематографии (сняты с показа фильмы Эйзенштейна, Довженко, Александрова, отстранены от дел выдающиеся кинорежиссеры: Эрмлер, Козинцев, Трауберг, Райзман) и также своей негласной опалой. Обращение в письме высшей степени личное, т. е. безотносительно к правовому статусу, и уважительное. Критерием в разрешении ситуации предполагается личное отношение Сталина к советской кинематографии и, пожалуй, ничто иное: «...любимое Ваше детище – советская кинематография – находится сейчас в небывалом состоянии разброда, растерянности и упадка» [2, с. 164]. Право на обращение подтверждается декларацией единства с инициативами, исходящими от адресата, и необходимостью защиты людей, кровно связанных с партией и подчиняющих себя ее задачам. Предмет жалобы (отстранение от работы) описан не в юридических, а в политических терминах. Отмечается возрождение атмосферы клеветы, возвращение к ранее преодоленным методам работы: окрик, бюрократизация, самодурство. Указано на сходство отечественных антисемитов с германскими фашистами.

В письме кандидату в члены ЦК ВКП(б), начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову от 18 января 1943 г.

М. И. Ромм детализирует вопросы, поднятые в письме к И. В. Сталину. В этом письме подчеркнут приватный характер обращения и, соответственно, претензия на особую степень доверия: «...я все печатаю сам, у меня нет машинистки, которой можно доверить такое письмо» [2, с. 172]. Сформулированы основания ответственности Комитета по делам кинематографии, который «не выполняет совершенно ясных и недвусмысленных указаний ЦК партии» [2, с. 168].

Письмо Л. Ф. Ильичеву, секретарю ЦК КПСС, курировавшему идеологическую работу, содержит объяснение позиции, с которой на собрании Все-союзного театрального общества в ноябре 1962 г. М. И. Ромм выступил с критикой политических взглядов писателей В. Кочетова, А. Софронова и Н. Грибачева. Письмо написано в ответ на их жалобу в ЦК КПСС. Основной его смысл – выбранная ими политическая стратегия не соответствует новому политическому курсу: «...донос остался без ответа, его просто не прочли в соответствующих инстанциях, да этих инстанций уже нет» [2]. М. И. Ромм порицает травлю неугодных в виде борьбы с космополитизмом и защищает художественную ценность неореализма в итальянском кинематографе, в пристрастном отношении к которому он был обвинен.

В коллективном письме 25 деятелей науки и искусства генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу от 14 февраля 1966 г. высказывается тревога об угрозе возвращения к сталинизму в СССР. Письмо было подписано известными людьми – академиками П. Л. Капицей, А. Д. Сахаровым, И. Е. Таммом, писателями К. Г. Паустовским, В. П. Некрасовым, В. Ф. Тендряковым, звездой советского балета М. Плисецкой, актерами И. Смоктуновским, О. Ефремовым и другими деятелями науки и искусства.

В этом письме Л. И. Брежневу настойчиво внушается мысль об ответственности власти: любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества, раскола в международном коммунистическом движении и осложняет борьбу за мир. Иначе говоря, авторами обращения была задействована партийная риторика, практикуемая в СМИ накануне очередного, 23-го съезда КПСС, на котором одним из главных направлений внешнеполитической деятельности партии и советского государства были определены укрепление идейно-политических и организационных связей с коммунистическими партиями стран социалистического содружества, сплочение мирового коммунистического движения и был провозглашен курс на мирное сосуществование с капиталистическими странами. А главной задачей Коммунистической партии Советского Союза в области внутренней политики названо укрепление дружбы и единства многонационального советского народа [3, с. 104].

Для того чтобы проследить в этих обращениях изменения политико-правового режима, необходимо отметить постоянно используемые правовые

концепты, т. е. понятия, раскрывающие неявные правовые смыслы политического обращения:

– *инстанция* как субъект авторитетного решения. Обращение всегда предназначено инстанции, природа которой может быть различна (вождь, над которым нет инстанции, коллектив политических единомышленников, глава государства, наделенный способностью извлекать уроки из истории и подчинять общество актуальным задачам);

– *локализация контрагентов* на смысловом поле. Кто с кем вступает в общение, характер их отношений (равноправные, иерархические);

– *представительство*. В публичном пространстве, где утвердились нормы, определяющие типы взаимоотношений, никто не говорит от себя лично;

– *номинация объекта*, т. е. описание действий, представляющих опасность и вследствие этого выступающих возможным основанием ответственности и объектом политико-правовой защиты (забвение высшей воли, неисполнение коллегиальных решений, раскол в обществе, социальный конфликт).

Варианты политических стратегий складываются из следующих основных действий:

– *приписывание адресату статуса инстанции*. Это может быть моральное, политическое, богословское или юридическое обоснование, характер которого очерчивает круг полномочий соответствующей инстанции;

– *обозначение модуса сообщения*, в котором предвосхищается характер ответной реакции инстанции (просьба, предупреждение, донос, поздравление, декларация, проект ожидаемого решения и т. д.);

– *обоснование права на представительство*. Любое обращение явно или латентно опирается на какие-либо критерии предпочтений. При обосновании права на представительство используются тактические приемы для защиты от нежелательных коннотаций;

– *обозначение политического оппонента* (от описания его достоинств, включая демонстрацию единства по ключевым вопросам, до дискредитации и шельмования).

Современная социология права могла бы почерпнуть из политических обращений знание об исторически меняющемся стиле правового мышления, востребованном политическим режимом,

в частности представления об основаниях консолидации с властью, компетенции авторитетной инстанции, об условиях оказания государственной защиты и средствах правовой коммуникации, помогающие его участникам узнавать и понимать друг друга в процессе политического взаимодействия.

Библиографический список

1. Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепты политической культуры. М.: ИФРАН, 2011. 279 с.
2. Пермяков Ю. Е. Правовые стратегии как коммуникативные модели: проблема описания // Правоведение. 2014. № 5. С. 73–80.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактика русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Ромм Михаил. Устные рассказы. М., 1989. 192 с.
6. XXIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стеногр. отчет: в 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1966. 640 с.

References

1. Neretina S. S., Ogurtsov A. P. Kontsepty politicheskoi kul'tury [Political culture concepts]. M.: IFRAN, 2011, 279 p. [in Russian].
2. Permyakov Yu. E. Pravovye strategii kak kommunikativnye modeli: problema opisaniia [Legal strategies as communicative models: the problem of description]. Pravovedenie, 2014, no. 5, pp. 73–80. Available at: <http://pravovedenie.spbu.ru/archive-ru/2014/28-2014-5.html> [in Russian].
3. Van Dijk T. A. Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia. 2-e izd. [Language. Cognition. Communication. 2nd edition]. M.: LENAND, 2015, 320 p. [in Russian].
4. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktika russkoi rechi [Communicative strategies and tactics of Russian language]. M.: LKI, 2008, 288 p. [in Russian].
5. Romm Mikhail. Ustnye rasskazy [Oral stories]. M., 1989, 192 p. [in Russian].
6. XXIII S'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. 29 marta – 8 aprelia 1966 g. Stenogr. otchet: v 2 t. T. 1. [XXIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. March 29 – April 8, 1966. Verbatim report. In 2 Vols. Vol. 1.]. M.: Politizdat, 1966, 640 p. [in Russian].